

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**СЛЕД
НА РЕЛЬСАХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 След на рельсах / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-225928-9

Тяжелые послевоенные годы. Чтобы спасти и вывести в люди оставшихся без родителей детей, по всей стране созданы приемники-распределители. В одном из таких заведений помощником мастера работает Колька Пожарский.

...В тот злополучный день все ждали зарплату. Но кассирша вовремя не появилась. Колька нашел ее смертельно раненной на пороге главного корпуса. Вдалеке быстро удалялся мужской силуэт. Пожарский не раздумывая кинулся за преступником. Но во время погони грабитель неожиданно бросился под поезд. Сумка с деньгами бесследно исчезла...

Отвечать бы Кольке по всей строгости закона за грабеж и убийство кассирши, если бы оперативникам внезапно не открылась истинная, куда более страшная картина преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225928-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Темно вокруг. Страшно. Тихо.

И не понять, проснулся или спишь и во сне оглох и ослеп. Неясно даже, где верх мира, где низ. Полное безвоздушное пространство, в котором не то что жить — даже дышать страшно. Ведь не знаешь, кто услышит твоё дыхание, твоё прыгающее сердце. И ведь кто-то приближался, надвигался ещё большей темнотой и безвоздушностью, неприятием всего живого. И этому есть название, которое страшно произнести и даже подумать...

Приближается... Его не слышно и тем более не видно, но не почувствовать нельзя: дрожь от тяжёлой поступи поднимается от пяток, в которые ушла душа, вверх по нервам.

Зачем так рано? Неужели нельзя повременить хотя бы ещё ну год, два, сто лет?

Значит, нельзя. Но ведь это и хорошо, получается, что он больше не будет один, снова будет рядом с ней. Поцеловать, прикоснуться, ощутить невероятную, все покрывающую любовь — ради этого ничего не страшно!

И вот в черноте как будто сверкающий луч прорезает прямоугольник, словно ножницами по черной бумаге, и врывается свет. Но почему он такой режущее-яркий? Смотреть на него невозможно, он терзает, режет сотнями пронизывающих острых кольев — такой бывает, если смотреть на полуденное солнце, но только еще хуже, потому что глаза почему-то не закрываются. Их нельзя закрыть, веки будто стали прозрачными, и стрелами вонзаются в сознание два тихих убийственных слова:

— Один. Навеки...

Все обрывается внутри и снова гаснет...

Нет, он не умер, он живет, но это только личина, обертка от него всего. Какая же это жизнь, когда заперт внутри холодного пустого дома, где только и есть, что два крошечных оконца.

Потом вдруг началась круговерть. Чугунные ноги расползаются на какой-то скользкой дряни. Мельтешит перед глазами какое-то гнилье, сараи, кто-то вопит, завывают, лязгают в тумане неведомые твари. И не хотелось бы бежать, но ни выхода, ни выбора нет. Пот заливают глаза, он тянется к ним, чтобы утереться, а руки, оказываются, липкие, и в ноздри бьет терпкий густой запах.

Кровь на пальцах, чужая кровь...

Он ужаснулся, метнулся, убегая вверх, карабкаясь все выше и выше и отчаянно пытаясь оторваться непонятно от чего, но чего-то страшного, наступающего, неминуемого, — и вот уже под но-

гами не твердая земля, а какие-то гудящие, завывающие шпалы. И снова что-то приближается, сотрясает опору с такой силой, что дрожь пробегает от пяток к голове. Вот оно уже совсем рядом, то, от чего нельзя спастись, и это «оно» неизмеримо страшнее всего, что было и что будет под солнцем...

Перед глазами вновь крутятся то черно-белый свет, то яркие вспышки, все это сходится в засасывающую воронку... Становится понятно, что одно спасение от этого — сдаться, броситься в эту черную воронку вниз пылающей головой...

...Это сон, наконец понял он, но легче не стало. Полежал какое-то время, чутко прислушиваясь — нет, никого не разбудил.

Очень хотелось пить, в горле, как в пустыне. Ужасно болела голова, резало под сердцем и пробивало позвоночник, точно раскаленными кольями все утыкано. И при всем этом нестерпимо тянет в туалет...

Как был, в майке и трусах, он выбрался и пошел по коридору. Точь-в-точь как во сне, перед глазами мелькало черное и белое, на дощатом полу вспыхивали квадраты мертвенного света — это оконные фонари раскачивались на ветру, то и дело скрываясь за листвой.

Он едва успел добежать до уборной. Пошатываясь, наклонился над краном, открыл и долго, с наслаждением глотал ледяную воду — до тех пор, пока лоб не заломило и зубы не застыли. Немного

полегчало. Он тщательно умылся, принялся приглаживать волосы, пытаясь разглядеть себя в крошечном зеркале, присобаченном на гвоздях, вбитых между плиткой.

Не зеркальце — смех, в нем только один глаз и отражается — дикий, пустой, с полопавшимися кровяными жилками. А второй... второго-то и не было. Вместо него торчала изнутри головы ржавая пика, и кровь на ней уже была черная, застывшая...

Он не заорал, не отпрянул, а зачем-то со всей силы ударил лбом в подлое стекло.

Посыпались, зазвенели осколки.

Он опомнился, замер, снова прислушался — пронесло. Маленькое было зеркальце, тихо разбилось, и потому никто ничего не услышал. Быстро собирая осколки, он изо всех сил старался не смотреть в них еще раз. Выкинул все за окно, потом, трясясь от холода и страха, побежал обратно в комнату.

Ему оставалось жить тринадцать часов...

ГЛАВА 1

Скоро, скоро начало нового учебного года, и все училище замерло в полной боевой готовности. Все сияет — классы, коридоры. Пахнет машинным маслом и свежей стружкой, которой, кстати, не видать — все убрали так тщательно, что до противного чисто.

Свет беспрепятственно пробирался сквозь стекла, такие безупречно чистые, как будто и нет их вовсе. В ярких солнечных квадратах выстроились станки — надежные, бывалые, эдакая старая гвардия труда и упорства.

Это все красоты для передовиц и книжек, а для помощника мастера, Николая Игоревича Пожарского, все это — показуха и ерунда. В полном расстройстве и думках Колька орудовал веником и совком, собирая невидимый сор на тот случай, если нелегкая занесет Белова Ваню, вернее, мастера Ивана Осиповича, хотя ведет он себя ну чисто как пацан сопливый — все бегают, дергаются. Какая-то там комиссия едет, то ли из роно,

то ли из другой дыры, то ли производственники с периферии, которым позарез нужны молодые специалисты. Поэтому месяц как настаивает на ежедневной уборке и развешивании плакатиков разной степени красочности. А комиссия все едет, едет, никак не приедет, и каждый день мастер Белов устраивает по этому поводу производственные трагедии. Наступает вечер, контролеры не приезжают — и Ваня мучается, как пылко влюбленный юноша.

Ну это все его «головные тараканы». А у Кольки желания были совершенно иного рода, он жаждал другого свидания — и на этот раз не с любимой, разъединственной Олей, а с бухгалтером-кассиром Татьяной Макаровой. Она с минуты на минуту должна была появиться с зарплатой и осыпать золотом весь педагогический коллектив.

Кольке позарез были нужны деньги. У родителей юбилей свадьбы... ну это не потребует больших затрат. Подарок — роскошный подсвечник, прямо настоящий каменный цветок, пусть и из дерева, — Колька давно выточил, красиво упаковал и лишь иногда раскрывал, чтобы в очередной раз поразиться — надо же, как ловко получилось!

Были и еще обстоятельства. Колька теперь жил один. В конце мая Игоря Пантелеевича по-

высили до заместителя начальника бюро и предоставили отдельную... не комнату, а целую квартиру, хоромы о двух комнатах, плюс кухня, плюс прихожая, в которой плясать можно, и собственный туалет с ванной! Колька ходил, жмурился, приезжая к родителям с ночевкой, боролся с соблазном разбить посреди гостиной палатку, а то от простора голова кругом.

Само собой, переезжать он наотрез отказался — отец не настаивал, и мама отнеслась с пониманием, только Наташка поныла, но, получив заверение в том, что братишка будет часто-часто приезжать, успокоилась. Лишь уточнила:

— С Олей и булками? — Потому что ужасно любила булки с изюмом, которые выпекала добрая повариха школы № 273.

Колька поклялся, что регулярно будет доставлять и Ольгу, и булки.

Мама с Наташкой со спокойной совестью съехали к отцу. Вторую комнату сдали городу, в ней пока никто не жил, заперли и запечатали. Но все равно Колька жил королем — один в целой комнате.

И вот по причине одинокого бессемейного проживания вдруг резко возросли расходы. К экономике и домоводству у Кольки не было никаких способностей. Раньше было проще: получил деньжата, отдал все матери, оставив себе

малую толику на текущие расходы, — вот и полное спокойствие, и достаток. А сейчас... Вроде бы и оклад повысили, а все равно не хватало. Постоянно какие-то сюрпризы: то мыло кончится, то чай, то еще какая-нибудь ерунда, без которой никак нельзя.

Когда кончалось вообще все, он приезжал к своим, и маманя подсовывала то носки, то исподнее, то свои компоты-соленья, которые закручивала в промышленных масштабах. На этом удавалось продержаться, но недолго.

Вот и теперь Колька, шаркая стоптанными ботинками, ждал милую фею, лишь по совместительству кассиршу.

Внести взносы в профсоюз, долги раздать — и все равно что-то да останется. Главное, успеть к Цукеру починить ботинки. Левый давно вопиёт о каше, вот-вот развалится, но Ромка, чудо-мастер, его приструнит, и он доживет-таки до зимы, а там и на помойку можно.

Да если бы только в ботинке дело, еще и Ольга требует культуры. Причем не той, что под боком, а чтобы непременно в центре, как минимум в «Ударнике».

Ее по-человечески понять можно, она пусть и дельная, но все равно девчонка, обязаны быть фитюльки, да розовый дым в голове. Придется тратиться на кино-мороженое-туда-сюда. И если сам Колька к культуре со всем пониманием, то

ботинок левый поездок в культурной электричке и культурном метро не переживет.

Потому-то Татьяна Макаровну Колька высматривал в окошко с крайним нетерпением, лелея надежду оторвать получку пораньше. Признаться, он сам неоднократно так проделывал, задача нехитрая. Пригладить вихры, построить на физиономии простодушное выражение, с этим всем попасться на глаза кассирше, вежливо поздороваться, справиться о здоровье — ну а там и до главного дойдет. Она женщина одинокая, родных никого не осталось, с радостью пригласит на чай в бухгалтерию, закрытую для всех. И пораньше выдаст денюжку хорошему мальчику, только попросит никому не говорить.

Колька в сотый раз выглянул в окно — нет, не видать ни кассирши, ни даже проклятушей этой комиссии.

Быстрее бы уж заявила эта комиссия, а то Ваню жалко — он за весь коллектив переживает. Директор училища Семен Ильич Казанцев, замполит Егоров Петр Ионович, комендант общаги, она же завхоз, Асеева Раиса Александровна — бывалые люди и по этой причине перед лицом любого начальства сохраняют полное спокойствие.

А Ваня Белов по молодости и неопытности страдает болезненной ответственностью. Сам переживает до потери сна и аппетита и Кольке ды-

шать не дает. Сейчас тихо, потому что он куда-то ускакал — может, на поиски красной дорожки под ножки высоким гостям. А как вернется, то обязательно занудит, елозя по ушам:

— Лично вас прошу, Николай Игоревич, чтобы все, то есть прямо все... слышите?

— Слышу.

— ...было в полном порядочке!

— Иван Осипович, все и так...

— ...а то вот придет товарищ Казанцев, а прямо под ногами ветошь какая-то брошена.

«А то Ильич тряпок не повидал», — думал Колька и отбивался:

— Ветошь не брошена, а положена как раз для того, чтобы при входе копыта вытирали. И вообще, что это за рабочие помещения, где все стерильно? Если чисто, то, стало быть, тут сплошные лентяи, которым нечего делать, кроме уборки.

Огрызаясь, Колька все-таки делал, как просили. Он Ваню Белова уважал, старался не хамить, не желая портить ему никудышные интеллигентские нервы.

А ведь есть куда более важные дела, чем уборочки и показуха! Ведь с набором в этом году полный швах, уродов набилось, что хоть все бросай и беги. Колька с высоты своих прожитых лет и опыта видел, что молодое поколение никуда не годится. Нет, он со временем не стал старым

ворчуном, и для подобного утверждения были все законные основания.

Колька с наслаждением распрямился, потянул спину, в порядке производственной гимнастики изобразил вращение корпусом туда-сюда и, заметив на стенке ранее невиданный щит, подошел ознакомиться.

С этой комиссией и так живого места на стенках не осталось, а тут еще вот: «Наш выпуск».

Выпуск... ну да. Каждую эту физиономию новоиспеченных токарей помастера Пожарский запомнил на всю жизнь, сам лично обтачивал эти «полешки» под слабое подобие людей. Старался изо всех сил, как и весь педсостав, а на выходе получились не более чем буратины, «заготовки» для нормальных специалистов. Удивительно легкомысленные ребяташки. Отъелись за сытые годы, и все им трын-трава — слушают вполуха, смотрят вполглаза, работают на восьмушку, чтобы не вспотеть.

И все-таки выпустили, к тому же большинство уже пристроено, а остальные пусть отдуваются. Однако не успели утереть трудовой пот и перевести дух, как на пороге появилась новая партия «пней», еще похлеще.

Корень зла крылся в детском приемнике-распределителе, он же ДПР, который заселили наконец в бывший кинотеатр «Родина». «Дефектив-

ных»¹ долго не заселяли, поскольку помещение дышало на ладан, было напрочь убитое, с допотопным отоплением — котел с разводкой самотеком, уборной во дворе, плесенью на кривых стенах, протекающей крышей.

Все это требовало нешуточного ремонта, а денег и людей, насколько можно было судить, выделялось недостаточно.

Наконец ДПР въехал — как подчеркивал капитан Сорокин — на его седую голову. Хотя на деле напасть свалилась на другие головы: на плешивую Семена Ильича, директора ремесленного, на горячую мастера Вани Белова, на квадратную от забот Кольки Пожарского и так далее.

Для Сорокина же ни гром не грянул, ни небо не упало на землю — в связи с появлением ДПР никаких противоправных завихрений не происходило. Дефективные физически не могли ничего натворить.

¹ Одним из первых термин «дефективный ребенок» начал использовать доктор В. П. Кашенко. Открытое им в 1908 г. частное учебно-лечебное заведение именовалось «Санаторий-школа для дефективных детей». После Октябрьской революции термин «дефективные дети» становится официальным, в образованном в 1917 г. школьно-носанитарном совете Наркомпроса РСФСР создается подотдел воспитания и образования дефективных детей. Морально дефективными в нормативных документах именовались малолетние правонарушители.

Как объясняла Сергеевна — Введенская, инспектор детской комнаты милиции, к которой Пожарский наведывался отмечаться, — ДПР — это вовсе не колония и не тюрюга, как говорили сначала. Это что-то типа перевалочного пункта для беспризорных ребят. Туда свозили пацанов и девчат в возрасте до шестнадцати лет, которых отлавливали в Москве и ближайшей округе. В ДПР их осматривали, опрашивали, отмывали, одевали, при необходимости подлечивали. На все это, как объясняла Сергеевна, по правилам отводилось не больше двух недель, потому что задачей ДПР было именно распределять, то есть решать, куда дальше всех девать. Находились родители — отправляли к ним, не находились — оформляли по нормальным детдомам, а отчаянных оторв — по колониям.

Много ли таких неисправимых было — неизвестно. Те, кто выходил за забор ДПР, передвигались исключительно чинно и в сопровождении специальных вертухаев — эвакуаторов, как называла их Сергеевна.

Как-то Колька заглянул к Ольге в библиотеку, один такой организованный табунчик и пришел в сопровождении такого ветхого товарища, что удивительно было, как он вообще ногами перебирает. Он еле дошел до места и упал на стул, отдуваясь и утирая пот. Несмотря на это, воспитанники вели себя чинно-благородно: сами нашли

нужные книжки, робко выстроились около стола с каталогом.

Ольга, окинув их не особо приветливым взглядом, спросила:

— Под чью ответственность предполагается брать книги?

Почтенный старец-эвакуатор, ни слова не сказав, побрел к директору Большакову. Тот вскоре сам явился и предписал:

— Товарищ Гладкова, книги товарищам выдавать.

— На чье имя записывать? — уточнила Оля.

— На имя товарища в рейхе.

Колька так удивился, что даже высунулся из-за полка:

— Где?!

Милейший Петр Николаевич был настроен сурово, глянул, нахмурил брови, и отдельно повторил, адресуясь исключительно к Ольге:

— Вэ — эР — Эй-хе. Руководство дэпээр.

Ольга заверила, что так и сделает, выдала книжки, записала, как было сказано. Все очистили помещение, и Колька, не сдержавшись, позубоскалил:

— Пропали твои книжки, Гладкова.

— Чего это?

— Все, что в рейхе, заграбастают в счет репараций.

За плоские шутки он получил газетой по затылку.

Книжки вернули в целости, а книгочеи разохались кто куда. Но не все. С некоторыми теперь уже Кольке довелось познакомиться поближе. Ведь как раз большая часть нового курса укомплектована именно ими. Колька как порядочный человек и бывший ворюга не мог не порадоваться за этих ребят. Они не были одни на белом свете, без кола-двора и родителей, когда всем на тебя начхать. Будут за казенный счет питаться, лечиться, одеваться, жить не под заборами, не под кустами в Сокольниках, а в теплой общаге. Спать на чистых простынях, на всем готовом. В итоге выучатся и получат нужную профессию, выйдут в люди...

Так если бы еще все понимали свое везение.

Среди них были и такие лентяи, саботажники, дармоеды, которым лишь бы пожрать за казенный счет, были и многослойные гады, при виде которых нутро аж выло сиреной: опасность, опасность.

Не так давно с одним из них, неким Марковым, пошли беды. С виду приличный гаденыш, сверху лак да полировочка, постриженный, ногти, зубы вычищены, не курит, речь правильная, вежливый. На занятиях внимательный, видно, что все ему интересно, пальцы ловкие, ладится дело — а вот только отвлекись, и таких

дел натворит... Однажды вот что удумал: ночью влез в столовую и сожрал хлеб, приготовленный ночью на утро — и как только в него все влезло? Ему пацаны темную в палате устроили, хорошо, что Асеева была начеку, смогла отбить, потом он долго валялся, отлеживался. Когда повели его к директору и стали выяснять, что да как, зачем это сделал, не мог, что ли, попросить, он только молчал и кровью сморкался. Другой раз ни с того ни с сего со звериной свирепостью налетел на Леху Прохорова, хорошего парня, аки волчара.

Как с такими работать — совершенно непонятно, ведь «мины замедленного действия»... «Дэпээровские» нарисовали им хорошие бумажки-характеристики, сплавил с глаз долой и успокоились. Теперь пусть педсостав училища отдувается...

Вдруг Колька отвлекся от своих мрачных размышлений, увидев куда более осязаемые поводы для негодования. На фанерном щите наглядной агитации красовалась его собственная физиономия, обведенная красной рамочкой и с гордой подписью: наш выпускник, помощник мастера производственного обучения. Такие картонки были развешаны по всему училищу — тоже беловская инициатива: поналяпать на видном месте физиономии выдающихся выпускников, хвалебные вырезки из газет-журналов и прочие доски почета.